

В. И. Ермолович

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Введение. Система доказательств в судопроизводстве средневековой Сербии формировалась на основе славянских правовых обычаев и норм Восточноримского процессуального права. Этот факт вызывает особый интерес сербских и зарубежных исследователей к системе доказательств в средневековом процессе Сербии как наиболее типичной системе, характерной для стран Западной, Центральной и Восточной Европы. Первые научные работы, где было положено начало изучению системы доказательств в судопроизводстве средневековой Сербии, появились в середине XIX в. Это были работы иностранных авторов: исследователя из Чехии Ф. Палацкого «Сравнение закона царя Стефана сербского с древнейшими земскими постановлениями Чехии» [1] и русского ученого А. Майкова «Присяжный суд у южных славян» [2].

Исследования сербских ученых, которые были посвящены данной проблеме, появились на рубеже XIX–XX вв. Для них характерной чертой была обширная источниковая база, в том числе материалы, выявленные в сербских и зарубежных архивах. В числе авторов наиболее значительных работ, появившихся в указанный период, следует назвать А. Йовановича [3, 4], Д. Марковича [5], В. Намисловского [6]. Особое место в этой плеяде ученых занимает профессор Т. В. Тарановский, эмигрант из России, который в 1920–1930-е гг. стал классиком сербской и югославской правовой науки. Основатель кафедры истории права на юридическом факультете Белградского университета. Своей монографией «История сербского права в государстве Неманичей» [7], которая увидела свет в 1935 г., он внес значительный вклад в вопрос изучения системы доказательств в судопроизводстве средневековой Сербии.

В послевоенный период (1940–1980-е гг.) значительных исследований, посвященных вопросам судопроизводства, в том числе и дока-

зательствам в процессе, в историко-правовой науке Югославии не было. Исключение составляет докторская диссертация М. Йованович «Суд присяжных. Исторический и сравнительно-правовой обзор» [8]. В данной диссертации есть глава «Суд присяжных в средневековой Сербии», где автор анализирует нормы из «Законника Стефана Душана» и «Винодольского статута» на основе работ В. Марковича, С. Новаковича, А. Соловьева, Т. Тарановского, Д. Янковича и др. Архивные материалы автор диссертации не использовал, следовательно, новый фактический материал в научный оборот введен не был. Научный вклад диссертанта заключается в использовании марксистской методологии. При этом следует отметить, что ряд работ по данной тематике сербские историки права в рассматриваемый период опубликовали за границей. В частности, Д. Стойчевич в 1965 г. во Франции опубликовал работу на французском языке «Доказательства в праве Сербии» [9].

С конца 90-х гг. XX в. в сербской историко-правовой науке намечилось некоторое оживление, в том числе и в вопросе изучения доказательств в судопроизводстве средневековой Сербии. Об этом свидетельствуют монографические исследования С. Шаркича, Д. Поповича и Д. Николича «История сербского правосудия» [10] и Д. Бубало «Сербские номики» [11], где изучен вопрос рецепции системы судебных доказательств Восточноримской империи в сербское средневековое право.

Особенность нашего исследования «Доказательства в судопроизводстве средневековой Сербии и стран континентальной Европы» в том, что в данной статье доказательство в судопроизводстве средневековой Сербии рассматриваются на основе сравнительного анализа с аналогичными системами ряда стран средневековой Европы, в том числе и Великого княжества Литовского.

Основная часть. Важным институтом средневекового процессуального права являлась система судебных доказательств. Система судебных доказательств у южнославянских народов, проживавших на территории средневекового сербского государства, была детально изложена в Винодольском законе (1288) и «Законнике Стефана Душана» (1349). Средневековое сербское законодательство признает в качестве таковых: собственное признание, письменные документы, показания свидетелей, присягу, поличное и улики. Под собственным признанием в рассматриваемый исторический период времени понимается тот факт, что обвиняемый может сам сознаться или отречься.

Собственное признание было важнейшим видом доказательства во всей системе доказательств средневековой Сербии. При этом суд принимал к рассмотрению только добровольно сделанные признания отвечающей в суде стороны. Об этом свидетельствует постановление ст. 10 Закона Винодолского, которое гласит: «Когда разбирается дело по татьбе из мощуны (хлева) или по содержанию хлеба, стоящего на поле в копнах, или по краже сена из стога ночью, по такому преступлению обвиняемый должен присягнуть сам (т. е. подтвердить свои показания)» [12, с. 57]. Любопытно, что данная норма права перекликается с постановлением, изложенным в § 1146 главы 39 «Кутюмов Бовези» – французского судебника, изданного в 1283 г. Наличие близких по своему содержанию правовых норм в законодательстве средневековой Сербии и Франции можно объяснить влиянием римского права на формирование правовых систем этих стран.

В качестве письменного документа, имеющего силу судебного доказательства, в ст. 44 Винодолского закона фигурируют счетные тетради виноторговцев.

В источниках французского средневекового права выше письменного доказательства рассматривалось только личное признание. Так, § 1147 главы 39 «Кутюмов Бовези» гласит: «2-й вид доказательства – письменное доказательство. Если кто-либо дал письменное обязательство, а затем отрицает его, следует при доказательстве прибегнуть к самому обязательству, так как отрицание не является достаточным основанием для обесценивания письменного доказательства» [13, с. 99].

Для сравнения отметим, что аналогичная норма права в рассматриваемый исторический период в Европе была типична еще и для процессуального права Восточноримской империи и княжеств, расположенных на территории современной Беларуси, в судах которых уже в XII–XIII вв. письменные доказательства считались более важными, чем показания свидетелей и присяга субъекта – участника процессуальных действий («рота») [14, с. 84]. Неравноценность доказательств объясняется фактом господства в средневековой Европе формальной теории доказательств. В связи с этим отметим тот факт, что подобные процессуальные нормы в правовых актах как славянских, так и западноевропейских стран появились значительно позже, только в середине XIV в. Следовательно, юридические нормы, изложенные в «Русской Правде», «Польской Правде», правовых актах Чешского королевства («Статутах Конрада Оттона», «Книге старого пана из

Рожмберка» или «Рожмберской книге») и памятнике германского средневекового права – «Саксонском зеркале», не признавали еще за письменными документами силы самостоятельного судебного доказательства. В качестве доказательств официальные и некоторые частные документы начали приниматься в судах большинства стран Европы с середины XIV в., о чем свидетельствует источник польского права – ст. 34 Вислицкого статута (1347), которая гласит, что мещанин, обратившийся в суд с иском против шляхтича о взыскании с последнего денежного долга, кроме предъявления долговой расписки, обязан был еще с помощью свидетелей доказать, что это денежное обязательство было заключено между ними [15, с. 178]. О данном положении вещей свидетельствуют также и нормы шведского источника права, которые изложены в ст. 17 и 20 раздела IV «Ландслага короля Магнуса Эрикссона» (1347) [16, с. 194].

В русском праве данную юридическую норму мы впервые встречаем в ст. 10 «Псковской Судной грамоты», которая датируется не ранее 1397 г. Постановление указанной статьи гласит: «О лешеи земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставши межником межничество съимут оно им присужати поле» [17, с. 332]. Статья говорит о порядке разрешения имущественных споров и приобретении прав собственности на лесные участки. Статья 10 «Псковской Судной грамоты» предлагает разрешать спор на основании изучения письменных документов, т. е. грамот на землю, которые представляются спорящими сторонами. При невозможности решить спор на основе письменных документов ввиду того, что обе стороны представили одинаково веские документы по своей форме и содержанию, законодатель предусмотрел окончательное решение правового спора сторон при помощи поединка. Следовательно, ст. 10 «Псковской Судной грамоты» свидетельствует о наступлении новой стадии в развитии средневекового русского процессуального права.

Присяга («рота») – как средство доказательства также широко использовалась в ходе судебных разбирательств у южных славян. Например, «рота» упоминается в ст. 7, 9, 44, 56, 64, 69 Винодольского закона. К «роте» прибегали на суде, когда не было свидетелей. «Рота» приносилась на святом Евангелие путем его касания [12, с. 63].

Поличное и улики всегда являлись вещественными доказательствами для судебного разбирательства. Однако некоторые улики требо-

вали подтверждения по средствам свидетельских показаний или присяги. Например, если кто покажет свою кровь, которая причинена ему со злым намерением, кровь считается доказательством. Однако в соответствии со ст. 44 Винодольского закона окровавленный пострадавший должен был «ротой» подтвердить, если он не мог представить свидетелей совершенного преступления [12, с. 63].

Улики предъявлялись в суд не позже трех дней после их обнаружения. Так, ст. 41 Винодольского закона гласит: «Люди присяжные, чтобы доказать виновность обвиняемых, не должны считаться достоверными иначе, как если каждый раз возьмут какой-нибудь знак (признак) с того, кто совершил проступок: с этим знаком присяжный должен явиться в суд в течение трех дней и представить его» [12, с. 63].

Аналогичное явление можно наблюдать и в ходе судебного разбирательства в других странах континентальной Европы. Особенно это было характерно при рассмотрении уголовных дел. Так, согласно нормам средневекового польского права, изложенным в ст. 23 Вислицкого статута, суд при рассмотрении уголовных дел в качестве доказательств принимал результаты осмотра судебным исполнителем места совершения преступления и тела убитого либо ран лица, получившего увечье. При этом закон предусматривал материальное вознаграждение судебному исполнителю, проводившему осмотр места преступления, от заявителя в сумме одного гроша [15, с. 176]. О результатах своего осмотра, согласно постановлению ст. 111 «Полного свода статутів Казимира III», судебный исполнитель представлял в суд специальное донесение, которому придавалась сила доказательств по данному делу [18, с. 127].

Подобным образом регламентировался вопрос об уликах в источниках средневекового процессуального права Чехии.

На это нам указывает ст. 1 «Ряда земского права» («*Rád grává zemského*») – источника права Чехии второй половины XIV в. Так, ст. 1 указанного правового акта гласит: «Если бы кто хотел за убийство брата своего или другого родственника вызвать кого-либо в земский суд, то должен соблюдать такой же порядок: во-первых, он должен запомнить день, когда убит его родственник, и, придя к должностным лицам Пражским, то есть к высшему коморнику и другим должностным лицам, которых он может найти в течение 2 недель со дня убийства того родственника, должен заявить им и бургграфу Пражскому, говоря так: «Паны, соблаговолите выслушать, заявляю Вашей милости, что родственник мой такой-то (именуя его и указав,

откуда он) убит на мирной дороге таким-то человеком (именуя того, кто убил, и указывая, откуда он); заявляю вам об убийстве и прошу, дайте мне коморника, чтобы это убийство (он) расследовал» [19, с. 96–97]. Причем истец должен был показать коморнику убитого и раны его, и окровавленную одежду, в которой тот был убит. Всю эту одежду коморник должен был взять себе и сохранить для предъявления в суде как вещественное доказательство. Далее: «Если тот, кто вызывает в суд, хочет обеспечить жалобу, – гласит ст. 1 «Ряда земского права», – то пусть приведет того коморника к должностным лицам (урядникам), чтобы доложил им то, что он видел, и чтобы показал окровавленную одежду. И все это в земские доски (регистрационные книги) пусть велит записать и имя того коморника, который расследовал дело, пусть велит обозначить» [19, с. 97].

При предъявлении в средневековый чешский суд иска об изнасиловании пострадавшая девушка или женщина в соответствии с обычаем должна была принести жалобу на своего обидчика в минимальный срок в разорванном платье на королевский двор, где должна была присягнуть, что преступник совершил над ней насилие. Эта процедура становилась основанием ареста подозреваемого с последующим рассмотрением дела в королевском суде [13, с. 98].

Данного вида доказательства играли важную роль уже в XII–XIII вв. при рассмотрении гражданских и уголовных дел в судах средневековых русских княжеств и Великого княжества Литовского. На этот факт указывает Ю. П. Довнар в своей диссертации «Судовая реформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім» [14, с. 84]. Об этом свидетельствуют и источники средневекового русского права. Например, ст. 60 «Псковской Судной грамоты» предлагает не доверять показаниям вора. Однако обыск у человека, на которого «тать возклепет», производился. В случае обнаружения у него краденой вещи, т. е. «полишного», этот человек признавался вором, если же ничего не находили, то его объявляли свободным от подозрения [17, с. 337].

Средневековый источник германского права – «Саксонское зеркало» относит поимку с поличным к числу бесспорных доказательств. Так, убийство доказывалось предъявлением трупа (ст. 69 Книги I «Земского права») [20, с. 47], раны пострадавшего лица демонстрировались в суде (§ 2 ст. 68 Книги I «Земского права») [20, с. 46], забой скота – предъявлением шкуры суду (§ 3 ст. 10 Книги III «Земского права») [20, с. 84], владение движимой вещью – предъявлением ее в

натуре (§ 6 ст. 13 Книги II «Земского права») [20, с. 55]. В отдельных случаях в порядке обеспечения доказательств можно было засвидетельствовать факт перед очевидцами, которые впоследствии могли стать свидетелями.

Наиболее сложной и разработанной частью судебных доказательств считались показания свидетелей и связанный с ними институт поротников. Наиболее полную силу доказательства имели свидетельские показания. Данная норма права детально разработана в ст. 22 Винодольского закона, который гласит: «Если кто явится во дворец с доносом о случившемся преступлении, он должен представить свидетелей и доказать, что действительно так» [12, с. 59].

Винодольский закон требовал от свидетеля прежде всего наличия безупречной репутации, позволяющей доверять ему. Он должен быть «добрым» мужем или «доброй» женой. В соответствии со ст. 52 Винодольского закона свидетель, оказавшийся недобросовестным, штрафуется в пользу князя 8 либрами денег или одним волом и впредь лишается права быть свидетелем без особого на то разрешения суда. Для того чтобы доказать недобросовестность свидетеля, нужны показания трех лиц, заслуживающих доверия [12, с. 65].

Закон запрещал свидетельствовать на суде женам как истцов, так и ответчиков. Статья 20 Винодольского закона гласит: «Никто не может брать себе в свидетели свою жену, ни по какому предмету она не считается свидетелем достоверным» [12, с. 59]. Также не могли давать свидетельских показаний отец о сыне, сын об отце и дочь об отце. Брат же для сестры и сестра для брата могли быть свидетелями, но только в том случае, если они живут отдельно и самостоятельно ведут свое хозяйство. Так, ст. 67 Винодольского закона гласит: «Отец о сыне, сын об отце и дочь об отце не могут быть свидетелями, брат же для сестры и сестра для брата могут быть, если живут отдельно, каждый по себе» [12, с. 68]. Иными словами, ближние родственники, члены одной семьи не могли свидетельствовать на суде друг за друга до раздела семьи на части, до выхода из семьи сыновей и дочерей, которые создали свои собственные семьи.

И в других странах средневековой континентальной Европы свидетельские показания играли значимую роль при разрешении не только уголовных, но и гражданских дел в суде. В пользу нашего довода свидетельствует ст. 31 Пространной редакции «Русской Правды», где речь идет о нанесении телесных повреждений. Данная статья требует для установления вины обидчика показаний двух свидетелей («вида-

ков»), которые должны принести присягу о верности своих показаний [17, с. 66]. В источнике средневекового германского права – «Саксонском зеркале» свидетельские показания играли большую роль в разрешении не только уголовных, но и гражданских дел. Об этом свидетельствует постановление § 6 ст. 62 Книги I «Земского права», где речь идет о свидетелях, чьи показания должны стать решающими в вопросе определения права на земельную собственность [20, с. 42]. При возникновении споров хозяйственного характера средневековое германское право все чаще прибегало к свидетельским показаниям. Например, если чиншевик утверждал, что чинш уже уплатил, то доказать факт уплаты он мог только сам – третий из числа тех, которые видели и слышали, что он действительно уплатил [20, с. 39]. Выделенную из урожая десятину, которую господин вовремя не принял, согласно § 7 ст. 48 Книги II «Земского права», нужно было для обеспечения доказательства предъявить двум свидетелям [20, с. 70]. Следовательно, в данном случае нельзя было ограничиться просто присягой, даже совместно с соприсяжниками, а требовались подлинны свидетели.

В странах континентальной Европы, как и средневековой Сербии, в отношении свидетельских показаний закон особо подчеркивал, что они должны даваться людьми добросовестными (*probi*) и способными (*idonei*) к даче показаний. Каждое свидетельское показание приобретало силу доказательства лишь в том случае, если оно подтверждалось присягой на кресте. При этом отлученный от церкви не мог выступать на суде в качестве свидетеля.

Например, по французскому средневековому законодательству привлечение граждан в качестве свидетелей регламентировалось в Марсельских статутах их «человеческими данными» – возрастом, родством, репутацией: не допускали к свидетельству неразумных юнцов, умственно неспособных старцев, злостных ростовщиков, близких родственников, а также *pagani, judei, saraceni* в христианских судебных делах. Количество свидетелей – от одного до трех-семи колебалось в зависимости от «дела» (*causa civile*) и исковой суммы [21, с. 22]. В гражданском деле на сумму менее пяти ливров было достаточно одного свидетеля; воровство и оскорбление (*furtus, injuria*) расследовались обычно при трех свидетелях, но в случае незаконной продажи яда аптекарем устанавливалась максимальная норма в семь свидетелей. На опрос свидетелей отводилось от трех до восьми дней – «недельный срок» [21, с. 23].

Вместе с тем следует отметить, что в отличие от процессуального права средневековой Сербии и Хорватии законодательство большинства стран Центральной и Западной Европы не запрещало свидетельствовать в суде родственникам тяжущихся сторон. Типичным примером решения данного вопроса является норма, изложенная в источнике средневекового права Польши – «Вислицком статуте». Так, ст. 13, 14, 20 и 60 указанного источника гласят, что если в качестве свидетелей выставлялись родственники (*consanguinitas*), то противная сторона могла дать им отвод, т. е. потребовать исключения их из числа свидетелей. Однако этот отвод должен быть заявлен в то время, когда имена указанных свидетелей объявлялись чиновником в суде; позднее, в частности во время принесения свидетелями присяги, заявленный отвод оставлялся судьей без удовлетворения [15, с. 175–176, 181].

В Винодольском законе, как и в более древние времена, сохраняет свою силу институт поротников, который соответствует послухам в «Русской Правде». Поротниками назывались люди, своей присягой удостоверявшие доброе имя лица, за которого они поручались. Чем большее обвинение предъявлялось обвиняемому, тем больше поротников он должен был выставить за себя, чтобы оправдаться.

В случае обвинения в убийстве обвиняемый должен был представить суду свидетелей, которые могли доказать его невиновность; если таких свидетелей он назвать не мог, тогда ему следовало апеллировать к институту поротников. Так, ст. 68 Винодольского закона гласит: «Относительно убийства, где нет свидетелей, обвиняемый должен очистить себя сам – 50, найдя себе соприсяжников, как лучше знает и может» [12, с. 68]. Из чего следует, что если обвиненное лицо не имеет полного числа поротников, то пусть сам присягнет столько же раз вместо тех, которых недостает ему.

По обвинению в разбое обвиняемый для своего очищения должен был присягать «сам – 25», т. е. должен был сам присягнуть 25 раз. Об этом гласит ст. 9 Винодольского закона буквально следующее: «Если перед двором (в княжеском дворце. – *Прим. В. Е.*) будет разбираться дело по насилию или по татьбе какой-либо вещи, истец же не имеет доказательства против виновного, и дозволится (ему, т. е. виновному) присяга; в таком случае виновный должен присягнуть по разбою (грабежу) сам – 25 <...> если (истец) потерпел “шкоду” (вред) в той татьбе и если был там крик о помощи» [12, с. 57].

Если дело идет об изнасиловании, пострадавшая, если у нее нет свидетелей и она заслуживает доверия, должна присягнуть «сама –

25», кладя руку на Евангелие. Поротников она должна найти сама из тех, кого лучше знает. Статья 56 Винодольского закона гласит: «...Если у нее соприсяжных вовсе нет или же она не в состоянии иметь их столько же, в таком случае эта женщина сама должна присягнуть вместо тех, которых ей недостает <...> Все соприсяжные ее должны быть женщины» [12, с. 66].

Обвиняемый в татьбе должен присягнуть «сам – 12» в соответствии со ст. 9 Винодольского закона, а обвиняемый в краже из «мошунны» (хлева) или в сожжении хлеба, стоящего в поле, или в краже сена из стога ночью должен присягнуть, на основании ст. 10 вышеуказанного закона, «сам – 6» [12, с. 57]. Итак, по нисходящей линии обвиняемое лицо должно было присягать от «сам – 50» до «сам – 6».

Аналогичная трактовка института присяги находит свое отражение и в более позднем памятнике сербского средневекового права – в «Законнике Стефана Душана» 1349 г. Например, в ст. 146 Быстричского списка «О пороте» «Законника Стефана Душана» говорится, что по большим делам должно быть 24 поротника, по менее значительным – 12, а по мелким делам – всего 6.

Если поротники принесли ложную клятву, то они наказывались 1000 перперов штрафа, лишались права быть поротниками в будущем [22, с. 208].

Если мы сравним институт поротничества с аналогичными институтами других народов, то увидим, что в ст. 18 Пространной редакции «Русской Правды» фигурирует определенное число послухов – 7 или 2 [17, с. 65].

Источник средневекового чешского права «Ряд земского права» требовал от истца представить на суд 9 послухов. Двоим из них ответчик мог дать отвод. При этом он сам должен был выставить семь своих свидетелей [23, с. 346–347]. Согласно титулу XLII § 5 «Lex Salica» при обвинении в нападении на чужую виллу и ее ограблении обвиняемый очищался при помощи 25 соприсяжников. При поджоге требовалось 20 соприсяжников [24, с. 43]. Памятник средневекового германского права «Саксонское зеркало» также нередко апеллировал к институту присяги. Так, в соответствии с юридической нормой, изложенной в § 2 ст. 18 Книги 1 «Земского права», присяга освобождала от любого обязательства, если это обязательство было дано без судебного засвидетельствования [20, с. 24–25]. Феодал своей присягой мог снять любое обвинение со своего человека. Согласно норме, изложенной в § 3 ст. 32 Книги III «Земского права», присяги господина,

принесенной совместно с двумя его людьми, было достаточно для доказательства, что тот или иной крестьянин является его крепостным по рождению [20, с. 90]. Данный пример убедительно свидетельствует о классовом характере института присяги как способа доказательства в феодальном суде. Средневековое германское процессуальное право, как и право других стран континентальной Европы, во многих случаях требовало от истца и ответчика принесения не единоличной присяги, а совместно с соприсяжниками – двумя (сам – третий), шестью (сам – седьмой) и т. д. В ленном суде, где участвовали только высшие сословия, соприсяжные не требовались.

Это позволяет нам считать, что в Винодольском законе указано требование о представлении перед судом максимального количества поротников. При этом не следует забывать, что в отличие от эпохи родового строя, когда родственники выступали на защиту члена своего рода, поротники и послухи в период раннего средневековья уже не являлись родственниками. Они были людьми посторонними, которых следовало еще найти. Родственники в соответствии со ст. 67 Винодольского закона не могли свидетельствовать на суде в пользу своих близких. Данный факт позволяет нам всесторонне оценить актуальность и значимость института поротников и присяги с позиции обвиняемого лица, которое являлось субъектом раннесредневекового права.

Значительный интерес представляет ст. 69 Винодольского закона, которая дает важные подробности о присяге сторон и поротников. Оказывается, что присяга происходила в торжественной обстановке, публично и в многолюдном месте. В соответствии с процедурой присяги сторон и поротников стороны могли примириться или одна из сторон могла даже откупиться до проведения «роты». Следовательно, при примирении обвиняемый выплачивал пострадавшей стороне известную сумму денег.

Правосудие средневековой Сербии в отсутствие иных судебных доказательств широко практиковало ордалии (суд Божий). Обвиняемого заставляли брать руками раскаленное железо и переносить его на определенное расстояние. Согласно ст. 152 Призренского списка рукописи «Законника Стефана Душана» расстояние совершаемого процессуального действия равнялось расстоянию от церковных ворот до церковного алтаря. «И если кто на суде обвиняет кого в разбое и воровстве, – гласит ст. 152 «О воровстве» Законника, – а не будет улик, да будет им в оправдание железо, как то постановило мое царское величество; да вынут его (железо) у церковных ворот из огня и

да (понесут и) положат его на святой алтарь» [25, с. 142]. Если при этом испытании сторона процессуального действия не получила больших ожогов, а полученные вследствие этого раны заживали быстро, то предполагалась ее невиновность.

Проведенный нами анализ основных источников средневекового права стран континентальной Европы позволил сделать вывод, что институт ордалий в праве Германии, Польши, Великого княжества Литовского, Франции, Чехии и Швеции в XIV–XV вв. уже не применялся. Ордалии для законодательства и судебной практики большинства стран Европы превратились в правовой анахронизм. Однако законодательство Болгарии и Сербии регламентировало правоприменение данного института на протяжении всего XIV в., т. е. до турецкого завоевания этих стран. И даже в период турецкого владычества население многих регионов Болгарии и Сербии вплоть до середины XIX в. использовало ордалии в судебной практике. Главным образом – это было испытание водой.

Однако для получения признаний, которые были необходимы для судебного разбирательства, применялись пытки. В средневековой Сербии, как и в других странах Европы этого времени, применение пыток в отношении обвиняемых было делом обычным.

Заключение. В рамках процессуального права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (XII–XV вв.) сформировалась основа современной системы судебных доказательств. В рассматриваемый исторический период суды стран средневековой Европы широко использовали в качестве средств доказывания в процессуальном праве объяснение сторон в процессе, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства и другие средства доказывания, которые использовались как в гражданском, так и в уголовном процессе. Так, например, к числу других средств доказывания относилось использование экспертов, арбитров и агентов (*denonciatores*), с оплатой их услуг из казны или «штрафной доли» [21, с. 22], что особенно наглядно просматривается во французском средневековом судопроизводстве. Характерным институтом процессуального права для стран средневековой Европы было наличие института «соприсяжников». Вместе с тем система доказательств в судебном процессе средневековой Европы значительно уступала по своему качественному содержанию системе доказательств в римском праве. В римском праве функционировала теория оценки судебных доказательств. На практике это означало, что действовали правила, по

которым устанавливалась оценка доказательности каждого конкретного факта, который представлялся правосудию для изучения. Таким образом, в рамках экстраординарного процесса был отменен принцип свободного убеждения и принцип материальной истины, которые длительное время использовались в римском праве.

Кроме того, при рассмотрении уголовных дел для получения доказательств в судебном процессе стран средневековой Европы использовались пытки в отношении подозреваемых, с помощью которых представители правосудия получали необходимую доказательную базу.

Список использованных источников

1. *Palacký, F.* Pravo staroslovanské aneb srovnání zákonů císaře srbského Stefana Dušana s najstaršími řady zemskými v čechách/ F. Palacký // Časopis musea Království Českého v Praze. – 1837. – № 11. – S. 68–110.

2. *Майковъ, А. А.* Присяжный судъ у южныхъ славянъ / А. А. Майковъ // Русское слово. – 1861. – № 10. – С. 1–67.

3. *Јовановић, А. С.* Доказна средства у нашем старом казненном законодавству / А. С. Јовановић. – Београд: Штампарија С. Николића, 1898. – 39 с.

4. *Јовановић, А. С.* Приноси за историју старог српског права / А. С. Јовановић. – Београд: Нова трговачка штампарија, 1900. – 156 с.

5. *Марковић, Д.* О доказима у кривичном поступку / Д. Марковић. – Београд: Геца Кон, 1921. – 312 с.

6. Намисловски, В. Нацрт развоја судства у средњовековној Србији / В. Намисловски // Архив за правне и друштвене науке. – 1922. – № 22. – С. 23–34.

7. *Тарановски, Т. В.* Историја српског права у Немањинској држави / Т. В. Тарановски. – Београд: Службени лист СРЈ, 1996. – 805 с.

8. *Jovanović, M.* О poroti. Istorijski i uporedno-pravni pregled: doctorska disertacija / M. Jovanović. – Beograd: Pravni facultet Beogradskog univerziteta, 1956. – 346 s.

9. *Stojčević, D.* La Preuve dans le droit serbe / D. Stojčević // Recueils de la Société Jean Bodin. – 1965. – № 17. – P. 662–675.

10. *Шаркић, С.* Историја српског правосуђа / С. Шаркић, Д. Поповић, Д. Николић. – Београд: Министарство правде Републике Србије, 1997. – 112 с.

11. *Бубало, Ђ.* Српски номици / Ђ. Бубало. – Београд: Византолошки институт САНУ, 2004. – 307 с.

12. *Vinodolski zakon* // Iz pravne istorije naroda Jugoslavije: odabrani izvori / V. Petric. – Beograd: Izdanja institute za pravnu istoriju pravnog fakulteta u Beogradu, 1968. – S. 54–70.

13. *Beaumanoir, P.* Coutume de Beauvaisis par Am. Salmon / Philippe de Beaumanoir. – T. 2. – Paris, 1900. – P. 99–111.

14. *Доўнар, Ю. П.* Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім: дыс. ... канд. юрэд. навук: 12.00.01 / Ю. П. Доўнар. – Мінск, 2003. – 135 л.

15. Statut piérwszy Wiślickie Malopolski z roku 1347 // Starodawne prawa polskiego pomniki / Wyd. A. Z. Helcel. – Warszawa, 1856. – Т. 1. – S. 173–182.
16. Ландслаг короля Магнуса Эрикссона / пер. со старошведского и примечания С. Д. Ковалевского // Средние века: сб. – М.: Наука, 1964. – Вып. 26. – С. 185–203.
17. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. – 432 с.
18. Zwód zupełny statutów Kazimierza Wielkiego // Starodawne prawa polskiego pomniki / Wyd. A. Z. Helcel. – Kraków, 1856. – Т. 1. – 428 s.
19. Ермолович, В. И. Государство и право Чехии IX–XVI веков / В. И. Ермолович. – Минск: БГЭУ, 2005. – 140 с.
20. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / под ред. В. М. Корецкого. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
21. Тушина, Г. М. Человек перед судом в средневековом Провансе XIII–XIV вв.: источники и современные исследования / Г. М. Тушина // Право в средневековом мире: сб. ст. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 17–36.
22. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / Уредник академик М. Беговић. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. – Књ. II. – 300 с.
23. Bílý, J. L. Právní dějiny na území České Republiky / J. L. Bílý. – Praha: Linde Praha, 2003. – 474 s.
24. Салическая правда / под ред. профессора В. Ф. Семенова. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1950. – 168 с.
25. Законик цара Стефана Душана: Барањски, Призренски, Шишатовачки, Раковачки, Раванички и Софијски рукопис / Уредници академици М. Пешакан, И. Грицкат – Радуловић, М. Јовичић. – Београд: Српска Академија наука и уметности, 1997. – Књ. III. – 499 с.

Поступила в редакцию 27.01.2011 г.